

СИНДРОМ МАЛИНКИНА

18+

Bred Oteau
Синдром Малинкина

<https://litres.ru/74324409>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жером обнаруживает себя на восемь лет в будущем. Всё то же самое, но только не всё.

Bred Oteau

Синдром Малинкина

Седьмой этаж

1. Седьмой этаж

— *Рожденный ползать упасть не может.*

Знакомая дорога домой: прямые улицы, вечно цветущие олеандры, разномастные машины, разношерстные люди. Все уникальны, все одинаковы. Совсем недавно солнце транжирило энергию как пятилетний ребенок в парке аттракционов, а сегодня скупые лучи давали столько же тепла сколько ручной фонарик. Пахло жареной рыбой и попкорном.

Близорукость ежесекундно сменялась дальнотворкостью, изображение то появлялось, то исчезало, то размывалось, то становилось резким до боли в висках. Нужно реже моргать. Голова вновь наполнилась овсяной кашей, течение мыслей замедлилось, а вскоре и вовсе остановилось. Привычные объекты — деревья, дома, тротуарная плитка — внезапно потеряли свой смысл, превратились в инсталляции галереи

современных искусств — отчетливо видны, но их суть, их назначение — пусты и абсурдны. Жером шел на автопилоте, выше обычного поднимая ноги, как аист, слишком ровно держа спину. В таком состоянии пешеходу немудрено угодить под колеса пикапа с металлоломом или мотороллера с милой женщиной за рулем. Благо, у средиземноморских водителей, при всей своей непредсказуемости, отличные рефлексy.

Жером плюхнулся на скамейку под разлапистой магнолией, осмотрел свои руки и ноги, потрогал лицо. Трогать лицо — лучший способ убедиться, что ты существуешь.

— Ты в порядке, сопляк?

Этот вопрос не задают людям, у которых все в порядке. Перед глазами Жерома — пыльные, когда-то синие, туфли, пересеченные морщинами. Звук, глухой и далекий как из сейфа, шел откуда-то сверху. Задирать голову, чтобы рассмотреть источник звука, Жером не рисковал — овсяная каша в голове превратилась в стекловату. Простое «да» оказалось чрезвычайно трудным словом, оно застряло в зубах, требовалось приложить усилие чтобы вытолкнуть его наружу. Жером нервно махнул рукой в сторону туфель, прогоняя их, как птиц. Туфли постояли немного, зашаркали прочь.

Скамейка оказалась целебной: каша в голове постепенно рассосалась, окружающий мир снова начал приобретать смысл, связывавший все видимое и невидимое в единую систему. За спиной — магазин электроники, дальше по ули-

це будет продуктовый, через квартал — церковь, потом кофейня, за ней налево, через две сотни шагов — дом. Жером подождал, пока внешние и внутренние сигналы не придут в равновесие, встал, запустил обе руки в карманы. Карманы пусты: ни сигарет, ни бумажника, ни ключей, ни телефона. Жером осмотрел себя. Кремовые штаны и рубашка, бордовые мокасины. Что за буффонада? Хотелось есть.

Машины припаркованы абы как, бампер в бампер, некоторые наполовину залезли на тротуар. Новые, старые, блестящие, облезлые, с зеркалами и без. Проклятые машины всем мешают ходить. Сегодня рынок. Бабушки вереницами шли по проезжей части со своими сумками-каталками, доверху набитыми овощами и рыбой. Не оборачиваясь, спешили забиться в щели между припаркованными машинами, ждали, пока проедет мимо очередной кусок железа. Обидно за бабушек.

Граффити на стенах. Подростки как собаки поместили свою территорию и больше никогда сюда не вернуться. Дома близко посажены друг к другу, как зубы. Можно заглядывать в чужие окна без страха, никто ничего не скажет. Вездесущая трава захватила весь город, торчала из каждой трещины, пробивалась возле каждого столба. Между бордюрным камнем и дорогой — трава, между домами и тротуаром — трава. Везде одна трава. Только возле мусорного бака — матрас. И старый телевизор. И коробки. Много коробок. У кого-то

много вещей, кто-то приехал сюда жить.

Пальмы ждали настоящего солнца, а не этого уставшего, хилого. Пальмы ждали настоящего солнца, которое разгонит тучи, высушит пододеяльники, оденет людей в юбки и шорты, делает тени темнее.

В магазинчике, из тех, по которым не ясно магазин это или нет пока не зайдешь, есть все самое необходимое, все самое недорогое. Когда денег нет, понятие «недорогое» равняется понятию «недоступное».

Проходя возле церкви, Жером узнал близнецов, которые бодро шли по дорожке между высоких сосен церковного парка. Братья были худы и жилисты, имели пару загорелых лысин и одно на двоих желание помогать другим. В основном, словом. Они спешили по важным делам, которые еще не были определены, по дороге энергично доказывали что-то один другому, активно жестикулировали и гримасничали. Складывалось впечатление, что любой из них общается с зеркалом. Когда они успели полысеть?

Женщина лет шестидесяти не успела опомниться как близнецы окружили ее, стали расспрашивать о жизни, консультировать, высказывать мнения. Занятые помощью ближнему, они заметили Жерома слишком поздно, возможность помочь ему была упущена, и сейчас они с тоской смотрели как он проходит мимо, оставшись без единой рекомендации.

Экскаватор железной лапой бережно ломал старый двух-

этажный дом. Обломки стен падали вниз, как куски печенья, мужик с сигаретой в зубах прибавал пыль водой из шланга. Жером смотрел на работу машины и представлял как этот дом строился, как там жили люди, как они уехали и теперь нужен новый дом для новых людей, которые еще не приехали, чьи пустые коробки еще не стоят возле мусорного бака.

Кофейня сменила вывеску, но интерьер остался прежним — деревянные планки, прибитые через одну, взбирались по стенам до самого потолка, ползли по потолку под вентиляционной трубой. В широкой трубе запросто уместился бы человек, не страдающий клаустрофобией.

Возле размашистого хэнд-леттеринга «Keep Calm & Drink Coffee» сидела девушка в больших наушниках. Она ритмично качала головой, размахивала руками и что-то агрессивно шептала как ведьма. Кофемашина жужжала, источая запах доброго утра. Пластиковые цветы думали о вечной жизни, ретро-лампы ждали темноты. Если бы у Жерома были деньги, он попросил бы у незнакомого баристы кортадо. Незнакомые баристы всегда делают все не так, но завтра будет кто-то из своих, привычных, из тех, кто знает правильную формулу. Хорошо, что нет денег — не придется расстраиваться.

Мандарины валялись на асфальте, из самых невезучих вываливались оранжевые внутренности. Деревья усеяны

плодами, крупными, яркими, но такими кислыми, что съев всего один мандарин, можно состариться на двадцать лет.

В подъезде Жером привычным движением хлопнул по кнопке вызова лифта. Пока лифт спускался, скрипя и щелкая металлом, Жером разглядывал почтовый ящик, наштампованный рекламой. Почта уже не та, уже и не вспомнить, когда она присылала душевную открытку или письмо от настоящего человека. Жером вынул глянцевую листовку из ящика. Листовка обещала самую быструю доставку еды, судя по промо-коду, через восемь лет. Жером усмехнулся.

Пока едешь на свой этаж, привыкаешь к, пусть ограниченному, но своему, пространству, мысли чувствуют себя в безопасности. Но как только двери открываются, выставляя тебя напоказ всему миру, уют разрушается. И пусть «весь мир» на седьмом этаже — это две квартиры, все равно неприятно. Это как сорвать одеяло со спящего человека.

Бдзынь. Приехали.

Перепутать двери было никак нельзя, даже если сильно захотеть: одна — черная, к которой прикреплены, приклеены и прибиты десятки стикеров, жестяных знаков и пластиковых табличек, от «не входить, высокое напряжение» до «осторожно, кенгуру». Это дверь Джошуа, соседа, который всю свою жизнь был странным и старым. Другая дверь — деревянная, с выдавленными в ней прямоугольниками. Перед ней — гостеприимный коврик, который так редко видит

гостей. Жером инстинктивно полез в карман за ключом, потом в другой, потом проверил оба сразу, как будто чем чаще проверяешь карманы, тем больше шансов, что там вдруг что-то появится. Малинкин вздохнул, сел на ступеньку, прислушался к вечно спящему подъезду. Если затаиться и терпеливо ждать, можно услышать как в одной из квартир крадется хищная бабушка. Она голодна до драмы, то и дело смотрит в глазок в надежде стать свидетелем хоть какого-нибудь скандала или мелкого хулиганства.

Кто-то вызвал лифт, лифт помчался перемещать своего повелителя с одной высоты на другую. Через минуту двери лифта раскрылись, из лифта вывалилось облако табачного дыма. Вместе с облаком как инопланетянин из будущего, вышел Джошуа, любитель дорожных знаков и алкогольной философии. С момента их последней встречи он похудел и постарел еще сильнее. На пальце-крючке его висел полупрозрачный пакет с одиноким яблоком, в другой руке дымилась сигарета. Не заметив человека на ступеньках, сосед направился к своей двери, стал ковырять ключом в замке. Ковырял долго, казалось, он выколупывает из замочной скважины орехи, которыми и питается. Ключи звякали, сосед кряхтел, Жером смотрел на его застиранную клетчатую спину.

— Зараза, опять не работает, — не оборачиваясь, сказал старик, — да что тебе нужно?

Наконец замок хрустнул сломанными ребрами, дверь отворилась. Сосед сделал шаг, застыл в проеме, повернулся,

сощурил глаза, пытаясь разглядеть Жерома повнимательнее.

— Ты кто? На моего соседа крепко похож. Только он тут давно не живет, засранец.

— Почему «засранец»? — спросил Жером.

Старик помолчал, соображая. Он подошел ближе к Жерому, оставив дверь в квартиру раскрытой. Ключи болтались в замке, пластиковый пакет с яблоком — в худой руке, окурочок полетел в стену, разбрызгав искры.

— погоди, ты Малинкин-Натс, что ли? — спросил Джошуа.

Жером молчал, Джошуа воспринял молчание как приглашение к размышлениям вслух.

— Недвижимость, правильно? — сказал Джошуа, указывая на дверь. — Почти в центре. Да и что квартире сделается? Счета только оплачивай. Счета-то недешевые сейчас. Раньше все было бесплатно, считай. А сейчас политики эти развели черт знает что. Мало все им, мало. Народу-то жить нужно как-то. А как тут жить, когда такое безобразие. Если бы я был главным, я бы всех их заставил это безобразие немедленно прекратить! — Джошуа вооружился указательным пальцем, которым стал тыкать в невидимых врагов.

— Вы правы, — сказал Жером в поддержку программы соседа. Отсутствие конфликта обычно заставляет людей уйти быстрее, но Джошуа либо чего-то ждал, либо плохо слышал.

— Почта была сегодня? — спросил Джошуа.

— Я не знаю, — ответил Жером.

— Ничего ты не знаешь, и никто ничего не знает. И плевать на все. Плевать! Годами могут ничего не знать. А человеку мучайся, живи без почты.

— А кому сейчас легко, — сказал Жером.

— Я тебе скажу, я скажу. Богачам этим несчастным легко, вот кому! Поди и спят крепко, не ворочаются, сволочи. А я вот ворочаюсь. С одного бока на другой, с другого на первый, — Джошуа тряс пакетом с яблоком, демонстрируя свои ночные повороты. — Как там оно завтра будет? И будет ли завтра? Понимаешь, о чем я?

— Понимаю, — соврал Жером.

— Ничего ты не понимаешь, — воскликнул Джошуа. — А может и правильно, что не продаешь квартиру. Ну продашь ее, и что с этих денег, самокат электрический купишь? А через год уже и на колесо не хватит от самоката. А на одном-то колесе куда уедешь? Если ты не циркач какой-нибудь. Или жонглер.

— Никуда.

— Вот именно, никуда. Молодец ты, сообразительный. Ты, Жером, всегда таким был умным. Я даже умнее твоего раньше-то был, наверное. Но это когда было?! Мамку жалко твою, смотри какой ты уже, хоть усы отращивай.

— Да уж.

— Так ты надолго? Или так, проверить просто имущество? Я-то слежу за всем, не бойся. Слух не тот, что рань-

ше, но если кто шумит, я моментально запоминаю, что кто-то шумел. Выяснять не пойду, конечно, кости уже не те, да и что я один в поле воин. А если потом кто спросит, твердо скажу: «да, слышал». Мол, было дело, шумели какие-то.

Жером смотрел старику в глаза, кивал, а сам думал о том, как быстро постарел Джошуа. Движения его стали угловатыми, речь хрустящей и надрывистой, память его, видимо, покрывалась дырками.

— Я ключ потерял, — сказал Жером, указывая на свою дверь. — Я оставлял вам один, на всякий случай.

— Если каждый будет ключи терять... — проворчал Джошуа. Он скрылся за дверью, через минуту вышел, протянул ключ Малинкину.

Жером ухватил ключ за сплюснутую как монета голову, сказал «спасибо».

— От моей квартиры тебе ключ не нужен? — спросил старик.

— Люциферу привет, — сказал Жером.

Джошуа сощурился.

— Ты пьян, что ли? — пробурчал старик. — Он лет пять уже как издох.

На прошлой неделе Жером наблюдал, как Арчи выгуливал Люцифера в парке. Люцифер упрямылся, не желая выгуливаться, Арчи покрикивал, упрекая хромого дворнягу в неблагодарности, проклиная последствия усобаковления, угрожая вернуть Люцифера «обратно на улицу».

— Арчи дома? — спросил Жером.

Старик не ответил, он заглянул в пакет с яблоком, будто надеялся, что на этот вопрос ответит яблоко.

— У вас все хорошо? — спросил Малинкин.

Старик бестолково улыбнулся, либо ни черта не поняв, либо не расслышав вопроса. Хотелось есть.

Жером подошел к своей двери, погладил лаковую поверхность пальцами, дверь-циклоп удивленно смотрела в ответ выпуклым дверным глазком. Щелкнул засов, Малинкин толкнул дверь. Та послушно, но неторопливо раскрылась, обнаруживая за собой большую комнату, которую было видно всю сразу, как если бы Жером открыл дверь в спортивный зал. Из квартиры пахло бабушками.

— Зачем окна позакрывал? — спросил Жером сам себя, виновато покачал головой в ответ.

В квартире, Жером прикрыл за собой дверь, снял бордовые мокасины. На полке возле двери — ни ключей, ни бумажника, ни телефона. Малинкин почесал затылок, прошел в открытую кухню, открыл пожелтевший холодильник. Привычной волны холода из Нарнии не последовало, свет внутри не включился, запах из неработающего холодильника еще хуже запаха бабушек. На полу дохлой змеей лежал силовой кабель, обнажив два железных зуба. Жером стоял

возле безжизненного холодильника неподвижно, как в почетном карауле, проигрывая в памяти недавние события. События не проигрывались. Как только в голове что-то возникало, оно тут же исчезало. Жером боялся пошевелиться, дабы не вспугнуть это неуловимое «что-то», ждал, что это «что-то» вернется, покажет себя, объяснится. Ждал напрасно. Тревожность, дремавшая где-то в углу, ожила, зашевелилась, зашипела.

Малинкин сделал глубокий вдох, подошел к окну, переступив покрытый пылью пылесос. На подоконнике — горшок с остатками Венедикта. Роскошные мясистые листья, лоснившиеся от заботы, превратились в коричневые, сморщенные кульки. Жером потрогал пальцем высохшую почву в горшке, нахмурился. Аквариум в углу комнаты превратился в террариум, лишь полоска зеленого налета по периметру намекала на его настоящее предназначение.

Прохладный ветерок ворвался в наконец-то открытое окно, запутался в занавесках, насилу выбрался из плена, наполнил собой комнату. Жером перенес пылесос в угол, задвинул под письменный стол, вплотную к батарее пивных бутылок. Потревоженные бутылки звякнули, одна упала в обморок от такой грубости.

Письменный стол завален книгами, блокнотами, листами бумаги с чертежами, формулами и печатями от чайных кружек и пивных бутылок. Жером раскрыл помятую папку, всю исписанную мелким кляузническим почерком. Посередине

первого листа крупным академическим шрифтом выведен заголовок «Влияние омега-поля на когнитивность». Внизу страницы шрифтом поменьше — «Йонас Хигельдорф», еще ниже — «2033». Жером закрыл папку, опустился на стул.

Силясь вспомнить, куда он мог подевать ноутбук, Жером сгреб листы в кучу, сложил в кривую стопку, поочередно выдвинул ящики стола, доверху набитые спутанными шнурами, сосновыми шишками разных размеров, канцелярским барахлом и конфетными обертками.

Ноутбук нашелся на скрытой полке под столешницей, Жером полез проверять электронную почту, но сначала система не давала войти, потом вежливо хамила электронная почта, ругалась красными буквами на некачественный пароль, грозила навсегда заблокировать пользователя. Жером плюнул, вспомнил для чего он взял ноутбук, просмотрел новостные сайты. Все они слепо верили в то, что год, месяц и число сегодняшнего дня на восемь лет в будущем — 25 марта 2039 года. Малинкин захлопнул крышку ноутбука.

— Твою же мать, — выругался Малинкин тихо. — Что происходит?

Можно было бы себя ущипнуть, как советуют дилетанты, но если ты во сне, можешь хоть бульдозером себя переехать, это не поможет. Мысли скакали как просыпанные шарики для пинг-понга: «розыгрыш; точно, розыгрыш; листовка в ящике; Джошуа про Люцифера говорил; это Джошуа; сто процентов Джошуа, и ключ у него был; вот я дурак».

Шарики для пинг-понга утомонились, Жером улыбнулся, пожурил себя за прилив глупости.

Дверной звонок захлебывался, Джошуа не торопился открывать в надежде, что просящий — а это несомненно просящий — уйдет. Через минуту старик сдался, не выдержав пытки звонком. Не открывая, спросил «кто?», как будто не стоял все это время за дверью, наблюдая в глазок за деформированным линзой лицом Малинкина. Наконец, приоткрыл дверь на дюйм, имитируя тяжелое дыхание, словно бежал через всю свою стокилометровую квартиру.

— Чего тебе? — спросил старик.

— А ведь я на секунду поверил, — сказал Жером, улыбаясь.

— Когда ты напиться успел, доверчивый? — спросил Джошуа.

— Попался я. Снимаю шляпу, — сказал Малинкин и приподнял невидимую шляпу.

— Что ты несешь? — спросил Джошуа.

— Только вы определитесь, какой год, — сказал Жером, — а то я смотрю — в документе 2033-й, на листовке 2039-й. Непоследовательность.

— Иди, непоследовательный, отдыхать, — сказал Джошуа.

— Пошутили, и хватит, — сказал Жером. — Верните телефон, пожалуйста. И бумажник. Мне жить как-то нужно.

— Иди отдыхать, — сказал Джошуа, захлопнув дверь.

Жером обыскивал квартиру, как обыскивают ее чужие в квартире люди — бросал вещи прямо на пол, не церемонясь, не думая, что ему же и придется их собирать. Из платяного шкафа как привидения вылетали шарфы и куртки, майки и кепки. Грациозно как летающая тарелка приземлилась на ковер шляпа-федора.

В навесных шкафах кухни, в выдвижных ящиках столов, в платяном шкафу спальни, на книжных полках было все, что угодно, но ни денег, ни паспорта, ни даже свидетельства о рождении Жером не нашел. В голове опять зацокали шарики для пинг-понга: «ограбили; все забрали; старик доигрался; в полицию; надо поесть».

В верхнем ящике письменного стола нашелся старый телефон, из тех, которые жалко выбрасывать, которые отлично работают, но давно уже ничего не стоят. Телефон не подавал признаков жизни — запутавшись в шнурах, не смог выбраться из удушающих колец, сдался. Собрать бы все шнуры из всех ящиков мира, сделать из них гигантский кокон, да посадить туда изобретателей новых разъемов. Жером высвободил телефон из шнуров, попытался его включить, безрезультатно, нашел подходящий кабель, положил заряжаться. Едва телефон ожил, Жером зарычал, скрючив пальцы,

проклиная изобретателей сотовой связи, жидко-кристаллических экранов и электричества. Связи не было, руки опустились, телефон упал на ковер. Жером сел рядом, поднял с пола шляпу-федору соломенного цвета с черной тесемкой, примерил, бросил шляпу на диван.

— Что будем делать? — спросил Жером вслух.

Почесав пальцами подбородок, Жером закрыл глаза. Он пытался вспомнить сегодняшнюю дату. Получалось скверно. Паника начала обволакивать голову, готовилась к атаке. Должно быть часы перевели. Или календарь поменяли.

— Все нормально, — громко сказал Малинкин, плюхнулся на диван, всмотрелся в комнату.

Большинство вещей в квартире были одногодками, они состарились вместе, но каждая по-своему. Среди старья было несколько современных безделушек, которые теряли свой стиль в окружении барахла как граф теряет обаяние в окружении бомжей.

Особняком от старья на журнальном столике стояли винтажные часы-будильник с двумя металлическими полушариями на голове, к которым Жером испытывал симпатию. Сам акт завода настраивал на то, что скоро нужно будет вставать. Это было настолько эффективное действие, что зачастую Малинкин просыпался на минуту или две раньше назначенного времени, сетовал на то, что будильник опять не сработал, и только когда уже чистил зубы в ванной, вдруг слышал как истерически дребезжит маленький разрушитель покоя.

Как правило, Жером накручивал пружину будильника до тех пор, пока ключ не начинал идти настолько туго, что белили от усилия пальцы, и что-то в чреве механизма начинало зловеще похрустывать, поскрипывать да норовило вот-вот лопнуть. В такие моменты Малинкин держал будильник подальше от лица, опасаясь, что часы могут взорваться как осколочная граната. Шестеренки, болтики и прочие внутренности разлетятся по комнате, поражая все на своем пути, не щадя ни хрустальную вазу, ни картину-вышивку, ни люстру со стеклянными висюльками в виде слез. Только черно-белый телевизор чувствовал себя уверенно, казалось, его выпуклое стекло способно выдержать выстрел из дробовика. Спроси в такой момент у остальных предметов в комнате, они бы поведали про эти минуты ужаса, когда с замиранием своих несуществующих сердец, они переживали за свои вечные, но такие хрупкие жизни.

Есть хотелось все сильнее. Встав с дивана, Малинкин улыбнулся глупым недоразумениям сегодняшнего дня, которым через час-два найдется простейшее объяснение.

— Одолжите денег бедному студенту, — сказал Жером с порога, — до завтра.

— Какой ты к черту студент? — спросил Джошуа.

По губам старика было видно, что у просьбы столько же шансов на положительный исход, как у Люцифера на восхождение.

— Денег не дам, таков мой принцип! — старик поднял палец вверх в доказательство того, что этот принцип был пожалован ему высшей силой.

— Мне много не надо.

— Из малого состоит многое, — поучал старик. — Один одолжит, другой одолжит, вот тебе и миллион на ветер.

— Мне не нужно миллиона.

— А у меня миллиона и не было никогда! А если бы и был, я бы здесь с тобой не стоял, и не в этом доме жил, — старик указал в стену, — а поехал бы во Французскую Полинезию, купил яхту, шеф-повара, — старик стал загибать пальцы, которые до этого не участвовали в разговоре, — музыканта, мальчика-помощника, шофера и художника. И ходил бы по лагунам годами, а в порт — только для пополнения запасов. Одежды ведь никакой не надо на яхте, верно?

— Не знаю, — сказал Жером.

— А я знаю! Одежды на яхте быть не должно. Это принцип! — Джошуа опять ткнул пальцем в небо. — Ты зачем пришел? Людям тишина нужна и покой. Уважай сиесту!

Старик махнул рукой, захлопнул дверь. И тут же открыл снова. И снова закрыл. Малинкин стоял, переваривая стариковские принципы, но голод от этого не проходил.

Дверь приоткрылась, рука Джошуа протягивала купюру.

В магазинчике на углу все было дешевле всего: сигареты дешевле вина, сыр дешевле сигарет, багет дешевле сыра, кола дешевле багета. Вечносидающая продавщица, которая работала с момента открытия магазина, покачала головой и цокнула языком.

— Соболезнования, — сказала она и долгим тягучим взглядом оценила льняную рубашку и покупки Малинкина.

— Мг, — промычал Жером, не желая развивать беседу, но продавщица злоупотребляла служебным положением.

— Надолго? Или опять уедете? — спросила она игриво.

— Я никуда не уезжал, — ответил Малинкин.

— Вы бы вместо сигарет и вина морковку взяли. Хорошая морковка, свежая.

На кассовом чеке бледными цифрами выбито «2039-03-25». Жером скомкал, но не выбросил чек, распаковал пачку сигарет, вытащил одну и понял, что поджигать ее нечем. Он вернулся на кассу, купил зажигалку и, еще стоя в дверном проеме, прикурил. Втянул дым полной грудью, дым не захотел идти в легкие, застрял в горле, уперся лапами, заскреб когтями по трахеям, пытаясь выбраться обратно. Слезы катились по щекам, сухой кашель выталкивал из Жерома весь воздух. Голова закружилась. Жером посмотрел на сигарету, сделал пару мелких затяжек, но в ушах звенело, как будто на голову его была надета кастрюля, и голодный

недоумок стучал по кастрюле ложкой.

Дома Малинкин растянулся на диване, захрустел морковкой, пытаясь избавиться от табачной смолы на языке и зубах.

Почему человеку нужно работать, чтобы существовать? Звери в лесу не работают, рыщут целый день в поисках еды, а когда найдут, съедают. Хищникам нужно немного потрудиться, а зайцам, зебрам, черепахам совсем просто — есть то, что под ногами. По сути, живут в тарелке с едой. Лишь у людей — искусственная борьба за выживание. В супермаркетах ни добрые продавщицы, ни злые охранники не дают еду без оплаты. Даже сраный йогурт, в котором ноль калорий, и тот нужно купить. А для того, чтобы купить йогурт, нужно таскать кирпичи с утра до вечера, да еще часть этих денег отдавать государству, которое поди узнай как ими распоряжается.

Малинкин готов был стать косулей, готов был отрастить красивые рожки, покрыться шерстью и грациозно прыгать меж кустов, если ему не нужно будет заботиться о пропитании.

Стемнело рано. На холодном пустынном пляже волны издевались над водорослями, мотали их взад-вперед, до тошноты, отчего водоросли стали бурого нездорового цвета. В

несезон море никому не нужно, можно валяться голышом, никто не попросит прикрыться. Жером поднялся по ветхим деревянным ступенькам на спасательную вышку, выкрашенную в потрескавшийся белый, уселся, боясь пошевелиться. Казалось, что конструкция только и ждет повода чтобы развалиться. Впереди зеленым мигал маяк бухты, тинейджеры с телефонными фонариками бродили по пляжу, обсуждая ломающимися голосами глупости, которые они обязательно наделают завтра. Вышка, продуваемая со всех сторон, ждала лета, мускулистых спасателей и их новых подружек.

Жером протолкнул пальцем пробку внутрь, сделал два глотка, вытер губы тыльной стороной ладони. Он силился найти смысл в событиях дня, но с каждым глотком вина события теряли свою значимость, пока, наконец, не упали вместе с бутылкой в песок под будкой, звякнув о камешки.

К ночи голова увеличилась и опустела настолько, что от любой неосторожной мысли возникало эхо.

Принимая душ, Жером обнаружил татуировку, несколько длинных шрамов на бедре и груди. Шрамы старые, давно затянувшиеся, с белыми точками от швов. Ящерица с хвостом, скрученным в сердечко, разукрашенная как мексиканская калавера цветочками, завитушками и лепестками, ползла по плечу.

— Пошлятина, — сказал Жером, смывая с себя хмель.

Он выключил воду, постоял в бодрящем последующем, вы-

терся полотенцем. Размазав ладонью влагу запотевшего зеркала, поздоровался с Малинкиным по ту сторону. Равнодушное зеркало показывало свою правду: тонкие, едва заметные морщинки окружили глаза, несмелая седина пробиравлась по вискам к макушке. И только зубы были идеально белыми, как никогда.

Около полуночи в дверь постучали. Жером вздрогнул, целительная полудрема выветрилась. На пороге стоял Джошуа. Он не был настолько пьян, чтобы удивиться открытой двери, но и не настолько трезв, чтобы заботиться о покое других.

— Смотри, — сказал старик. — Выхожу я на балкон, курю. Там внизу сидит кот, отдыхает, как всегда. Я плюю в кота, заметь, исключительно ради науки. В кота не попадаю, попадаю сантиметрах в десяти рядом. Кот вздрагивает, настораживается, но вверх не смотрит. Почему так?

— Почему? — спросил Жером.

— Потому что для кота плевок не имеет источника. Кот не прослеживает цепочку событий. Он замечает только звук, который внезапно возник рядом.

— И?

— Что «и»? Решил поделиться наблюдением.

— У вас краска на щеке, — сказал Жером.

— Знаю, — сказал Джошуа. — Ты еще сообщи мне, как

меня зовут.

Старик провел по щеке рукавом, потоптался на месте, вернулся к себе.

Накрывшись с головой несвежим одеялом, Жером прислушался к тишине. Постель успела остыть, Малинкин снова стал ей чужим. Если бы не появление соседа, Жером отложил бы истерику на утро. Он так старался справиться с ней весь день, и ему это удавалось — мелкие незначительные дела помогают игнорировать большие важные дела, пока те не станут мелкими и незначительными, но Джошуа забрал сон с собой и своими дурацкими котами. Маховик заработал, мысли начали стрелять в голову как попкорн, остановить их было уже нельзя. Что делать было неясно. Все варианты — идти к врачу, обзванивать знакомых, опрашивать прохожих — казались либо нелепыми либо опасными. Если то, что происходило, происходило в действительности, то помочь не сможет никто, а если все это нереально, то проблема становилась еще серьезнее.